

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭТНОСА:

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И ЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В кн.: Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 14 – 43

С. 14

Одной из примечательных особенностей развития советской этнографии в 80-х годах является усилившееся внимание к вопросам жизнеобеспечения этносов в процессе их существования и воспроизводства. Это было обусловлено, как мне представляется, двумя основными причинами. Одной из них явилось то обстоятельство, что ставшие уже традиционными типологические по своей основе и по своим задачам исследования хозяйства, материальной и отчасти духовной культуры народов (что особенно четко проявилось при работе над историко-этнографическими атласами по различным районам СССР) часто замыкались «на себе» и приводили к накоплению груд материалов, которые требовали надлежащего обобщения и анализа, но обычно оставались без таковых не только из-за трудности работы, но и из-за недостаточной ее актуальности. Это само по себе заставляло искать в рамках этнографической науки новые более перспективные направления и методы исследования, к числу которых можно отнести заметно прогрессирующую этническую социологию, этническую демографию и др. Вторая причина, непосредственно связанная с первой, заключалась в положительной реакции этнографов на насущные требования теории и практики, связанные с проблемами жизнеобеспечения людей как в нашей стране, так и за рубежом. Можно предполагать, что в ближайшем будущем из-за продолжающегося обострения таких экологических по своей сущности проблем, особенно в развивающихся странах мира, действие этой побудительной причины разработки вопросов жизнеобеспечения еще более усилится.

Этнографической науке, изучающей жизнь народов мира, их происхождение и расселение, их культуру и быт, всегда были близки и вопросы их жизнеобеспечения в специфических для каждого народа природных условиях. Наиболее заметно это проявилось, пожалуй, при разработке концепции хозяйственно-культурных типов.

С. 15

Поскольку, однако, и при этом на первый план выдвигались сравнительно-типологизационные принципы, то вопросы жизнеобеспечения этнических групп оставались недостаточно четко сформулированными. В последнее время тенденция к формализации вопросов жизнеобеспечения этносов заметно продвинулась в научном направлении, которое может быть названо «этнокультурологическим». Это нашло отражение в опубликованной в 1984 г. в Армении коллективной монографии «Культура жизнеобеспечения и этнос», а

также в статьях, так или иначе связанных с этой монографией и частично рассматриваемых ниже (1). Почти одновременно с этим проблемы жизнеобеспечения стали разрабатываться в направлении, получившем название «этнической экологии» (2).

В публикациях, относящихся к первому и второму направлениям, были изложены методологические положения, связанные с исследованием данной темы, прежде всего с определением содержания понятия «жизнеобеспечение этноса» и параметров его составляющих компонентов. Однако не все из этих положений достаточно раскрыты и четко сформулированы, а положения, относящиеся к тому или другому направлению, не были согласованы между собой. Попутно отмечу недостаточную разработанность таких базовых положений и в зарубежной, главным образом в американской науке, где на первый план, кстати сказать, выступает не этнокультурология, а уже давно разрабатываемая этническая экология (или «культурная экология», «экологическая антропология» и т.п.) (3). Поэтому дальнейшее успешное исследование вопросов жизнеобеспечения по все расширяющемуся фронту этой работы в немалой степени зависит от более полной и четкой разработки основных базовых положений, чему и посвящена данная статья.

Решение поставленной задачи несколько затруднено, как это нередко бывает, кажущейся простотой исходного термина, в данном случае – «жизнеобеспечение» (4), сводящегося в его бытовом смысле к пище, одежде и т.п., тогда как в действительности за этой внешней простотой скрывается

С. 16

сложная структура процессов и явлений. Человек жив «не хлебом единым»; он представляет собой социально-биологическое существо и его жизнеобеспечение требует удовлетворения как биологических или «физических», так и социально-культурных, в частности духовных потребностей. Удовлетворение тех или иных потребностей органически связано между собой, причем во многих случаях, как будет показано далее, биологическое жизнеобеспечение не только побуждает социально-культурную деятельность, но и регламентируется в той или иной степени социально-культурными, в том числе этническими параметрами и установками.

Структуру жизнеобеспечения человека целесообразно рассмотреть через структуру потребностей как основного фактора активной деятельности людей. Общепринятой классификации потребностей человека пока еще не существует, и даже в психологии, где этому вопросу уделяется довольно много внимания, различные авторы подходят к нему по-разному. Так, А.В. Петровский классифицирует потребности по их происхождению с выделением естественных (биологических) и культурных (социальных) и по их предмету с выделением материальных и духовных потребностей (5). К. Обуховский, концентрируя внимание на «общих», преимущественно биологических потребностях человека, выделяет среди них потребности самосохранения (физиологические и «ориентировочные» по отношению к среде) и потребности размножения (сохранения вида) (6). К.К. Платонов разделяет потребности на биологические

(потребности в дыхании, питании, воде, отсутствии нарушения теплообмена, движении, общении, отсутствии сенсорного голода, самосохранении и сохранении рода) и социальные (потребности в труде, познании, красоте, а также «все социологизированные биологические потребности, показанные К. Марксом на примере голода, а Ф. Энгельсом – на примере половой потребности») (7). В этой классификации, как и в предыдущих, усматриваются неточности. Так, потребность в общении явно относится к группе социальных.

С. 17

Среди специалистов других наук вариаций еще больше. Демограф Л.Е. Дарский, например, выделил в качестве фундаментальных, универсальных потребностей такие, как материально-энергетические, информационно-исследовательские и социального взаимодействия, заявив, в частности, что особой потребности в детях не существует: детей по его мнению, рожают, «чтобы удовлетворить какие-то другие потребности» (8). Последний тезис Л.Е. Дарский пытается доказать ссылкой на женщин, которые никогда не рожали, но сохранили физическое и психическое здоровье. Однако аналогичным образом, ссылаясь на «пример» отшельников, можно отрицать ведь и потребность в социальном взаимодействии. Совершенно ясно, что если бы у людей не было сильной потребности в детопроизводстве, то человечество давно бы вымерло.

Этнограф и культуролог С.А. Арутюнов утверждает, что одной из важнейших потребностей является завоевание престижа, без этой потребности якобы не может существовать общество, а «человек... вообще не может быть человеком» (9). Здесь перед нами пример того, как второстепенная, в сущности, потребность возводится в разряд первостепенных; подобным образом можно утверждать, например, что человек не может быть человеком без потребности в любви, без потребности в страдании и т.д. Существование подобных расхождений и неточностей в определении круга жизненно важных потребностей человека призывает к тому, чтобы данный вопрос был рассмотрен достаточно подробно.

Начинать здесь приходится, конечно, с той стороны жизнеобеспечения, которая сводится к удовлетворению биологических или «физических» потребностей в пище, в защите от неблагоприятных для организма воздействий внешней среды и т.п. Такие потребности определяются особенностями человека как биологического существа (вид *Homo sapiens*, отряд приматов, класс млекопитающий), возникшего первоначально, вероятно, в ближневосточной зоне сухих субтропиков, а затем расселившегося и по другим природным зонам благодаря биологической адаптации (10), но главным образом в результате перестройки социально-культурных

С. 18

механизмов системы жизнеобеспечения, на чем в дальнейшем придется остановиться более подробно. Биологические потребности человека, как и других существ, связаны с обеспечением личного существования (самосохранения) и с обеспечением сохранения вида, конкретно представленного более или менее обособленной группой или популяцией. Удовлетворение этих потребностей у

человека, как и у других существ, поддерживается мощными инстинктами, но у человека в эти рефлекторные механизмы включается и высшая нервная деятельность, благодаря которой он, в той или иной степени осмысливает и направляет свои действия.

В признании важнейшего значения удовлетворения биологических потребностей человека, конечно, нет никакого «биологизма», тем более, что это признание не нарушает огромную значимость социальной природы человека и его развитого разума. Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали нерасторжимость человека и природы. К. Маркс писал: «Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию – *телесная* (курсив мой – В.К.) организация этих людей и обусловленное ею отношение их к остальной природе» (11). Ф. Энгельс указывал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно опять-таки бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой – производство самого человека, продолжение рода» (12).

Человек исторически возник и существует как существо социальное и поэтому даже удовлетворение его чисто биологических потребностей обычно принимает социальные формы. «Чтобы производить, – писал К. Маркс, – люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (13).

С. 19

И в другом месте: «По мере того, как мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивид, а следовательно, и производящий индивид выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще в совершенно естественной форме в семье и в семье, развившейся в род; затем в возникающих из столкновения и слияния родов общине (обществе) в ее различных формах»(14). Таким образом, история «производящих индивидов» с самого ее начала предстает не как история каких-то робинзонов, а как история семьи, рода и других форм их социальных объединений, в том числе и интересующих нас этносов. Однако прежде чем перейти к этническим аспектам жизнеобеспечения, остановлюсь еще на одном вопросе.

Известно, что более или менее социальных характер имеет и жизнь многих других живых существ – от муравьев до некоторых видов приматов. Поэтому главным отличием человека от других животных является, конечно, его разум, отличающийся от имеющихся у многих из них элементов «разумности» не только в «количественном», но и в «качественном» отношении представляющий собой высшую форму движения материи по сравнению с ее «биологическими» формами. Попытки разобраться в существе этой высшей формы движения материи, проникнуть в тайны сознания пока не дали значительных результатов.

В.П. Алексеев в монографии о возникновении человека и человеческого общества, коснувшись вопроса о специфике человеческого сознания, кратко рассмотрел основные его компоненты или «сферы» (эмпирического опыта, обобщения результатов этого опыта и абстрактного сознания) и подчеркнул, что в их основе лежит рациональная логика. Но рациональный эмпирический опыт, а возможно, и какое-то обобщение его результатов в виде элементов абстрактного сознания есть и у высших млекопитающих; во всяком случае, в этом еще недостаточно проступает качественно иной характер человеческого сознания. Такое новое качество В.П. Алексеев, видимо, пытается нащупать, ставя в заглавие одного из подразделов книги вопрос:

С. 20

«Почему человеческий ум ищет объяснений?». Однако, как мне представляется, он несколько упростил и отчасти затемнил ответ на этот вопрос, сравнив человеческий ум с очень сложной кибернетической системой, которой для нормального функционирования необходимо якобы «предугадывать ход будущих событий» (15).

Вопрос о качественном своеобразии человеческого сознания весьма сложен и требует обстоятельной разработки, выходящей далеко за пределы данной статьи. Поэтому ограничусь лишь ссылкой на такого оригинального и глубокого исследователя данного вопроса, как Б.Ф. Поршнев, который особо отметил наличие в человеческом сознании не только преобладающих рациональных, но и существенных иррациональных элементов; люди, по его меткому замечанию, - «единственный вид, способный к абсурду» (16). Кстати сказать, и другая отмеченная им, опять-таки, отнюдь, не ведущая, но весьма специфичная черта человека – систематическая практика «взаимного умерщвления» (особенно членов чужих групп или общностей), настолько противоречит естественному (в том числе и «кибернетическому») рационализму, что может быть объяснена только какой-то «абсурдностью» человеческого мышления. И вообще всю историю человечества от ее ранних этапов, когда, как показал Л. Леви-Брюль, особенно проявлялись черты «дологического мышления» и возникали «странные» для людей нового времени верования и обряды, до современности, когда бурно развивающаяся наука сосуществует в сознании многих людей с религией, и когда человечество поставило себя перед угрозой полного самоистребления, было бы трудно понять без признания того, что в человеческом сознании были и есть какие-то иррациональные, «абсурдные» элементы.

Изложенное выше подводит нас к некоторым заключениям, непосредственно относящимся к тематике данной статьи. Первое из них состоит в том, что сознание человека не только служит удовлетворению биологических в конечном счете потребностей по сохранению индивида и вида, но и обладает своего рода надбиологической самостоятельностью,

С. 21

проявляющейся, например, в самопознании и требующей самоудовлетворения, причем получаемое при этом духовное удовлетворение может не уступать по силе

и по жизненной значимости телесным, так сказать, удовольствиям. Последнее обстоятельство, кстати сказать, в немалой степени способствует развитию как самого сознания, так и связанной с ним сферы духовной культуры. Такой самостоятельностью характеризуется не только личное, но и общественное сознание, определяемое в своей основе, как известно, общественным бытием с его материальной основой в виде производства. Это проявляется, в частности, в сильной дифференциации языка и духовной культуры у этносов, которые живут в сходных природных условиях и заняты, в сущности, одной и той же деятельностью (например, земледельческие народы в тропиках, скотоводческие в степях и полупустынях и т.п.). Второе заключение состоит в том, что человеческое сознание, которому присущи и некоторые иррациональные, «абсурдные» элементы, способно находить удовлетворение не только в успешной рациональной деятельности, но и в чем-то иррациональном, например, в религии (которую К. Маркс назвал «опиумом народа»), в различных иллюзиях и социальных мифах, «сознательном» самоодурманивании алкоголем или иными наркотиками и т.п.

Сознание человека неразрывно связано с его, так сказать, социальностью и вместе с нею оказывает сильнейшее влияние на удовлетворение жизненно важных биологических своей основе потребностей как по производству средств существования, так и по продолжению рода. Ведущая роль рациональных мотивов в сфере материального производства и потребления достаточно очевидна, она подробно показана сотнях работ, причем в общественное производство и потребление может быть почти целиком включена, например, и такая отмеченная Л.Е. Дарским «потребность», как «информационно-исследовательская». Поэтому представляется более целесообразным упомянуть о существовании в этой сфере некоторых иррациональных, «абсурдных» элементов. К ним относятся, в частности, различного рода пищевые табу,

С. 22

установленные безотносительно к питательным свойствам и вкусу, малорациональные изначально или ставшие таковыми вследствие их догматического соблюдения вне зависимости от изменения условий существования той или иной этнокультурной группы. Так, правоверный мусульманин во избежание немилости Аллаха скорее предпочтет голодную смерть, чем будет питаться свининой, а христианин решительно откажется от употребления в пищу конину. Многие традиционные методы приготовления пищи, например, жарение мяса на открытом огне, при которых уменьшается ее калорийность и теряются витамины, также никак нельзя отнести теперь к рациональным; часть из них, впрочем, перешла в разряд ритуальных. Одежда издавна подчинялась традициям, отнюдь не всегда полезным для здоровья, а теперь – причудам моды, которые зачастую также не относятся к рациональным, и т.д.

В социально осуществляемом и регулируемом процессе производства средств существования конкретные люди играют разную роль и имеют разные социальные статусы. Потребность в получении должного и по возможности более

высокого статуса (вплоть до статуса главаря), наблюдаемая в элементарном виде и у некоторых стадных животных, у человека сочетается с более широкой потребностью утверждения себя как личности, не только чем-то превосходящей их. Эта отмеченная С.А.Арутюновым потребность «престижа» иногда удовлетворяется через, казалось бы, нерациональную форму «вейстинга» («растражиживания»). «И накопление ненужных вещей, - пишет С.А.Арутюнов, - и перевод зерна в алкоголь с последующим его ритуальным выпиванием (потлачи первобытности и пышные банкеты современных урбанистических обществ), и помпезно-монументальное строительство, и культовая практика – все это разные формы вейстинга. Он может иметь внешне конструктивную форму, но по существу он деструктивен» (17).

Особого и более пристального рассмотрения заслуживает до сих пор сравнительно слабо освещенный в нашей науке

С. 23

процесс, названный Ф.Энгельсом «производством самого человека, продолжением рода», и связанный с биологическим разделением основных половых функций мужчины и женщины, с появлением нового живого существа – нового человека. Некоторые стороны такого процесса недостаточно изучены до сих пор, а в прошлом были окутаны (как, впрочем, и смерть человека) покровом поистине священной тайны. Трудность изучения процесса, нередко именуемого «детопроизводством», состоит еще и в том, что его естественное начало – половой акт – у человека (в отличие почти от всех других животных) осуществляется и тогда, когда женщина физиологически не способна к зачатию: только в конце 20-х годов было установлено, что такая способность при всех прочих благоприятных условиях ограничена всего 1,5–2 днями месячного цикла(18). Есть резон утверждать поэтому, что такая биологически не вполне рациональная потребность в половом сношении обусловлена в конечном счете особым инстинктом, могущим быть названным «половым инстинктом», удовольствие от удовлетворения которого по своей силе превосходит, как известно, все другие телесные и духовные удовольствия, но который, тем не менее, может удовлетворяться и некоторыми другими путями или не удовлетворяться вообще, обычно без особого вреда для индивида.

Относительная самостоятельность полового инстинкта, отчасти усиленная и нерациональными элементами сознания, отчетливо выявилась в ходе не так давно прошедшей на Западе «сексуальной революции», но она же и показала, что потребность в его удовлетворении не следует смешивать с «потребностью в детях», как это получилось у Л.Е. Дарского (19). Исследование сильного полового инстинкта, лежащего в сфере подсознательного, но проявляющегося нередко весьма причудливым образом через сознание, на своих высших «надстрочных» уровнях – в форме «любви» (20), в европейской науке долгое время сдерживалось стеной христианского ханжества, пока З. Фрейду не удалось пробить в этой стене широкую брешь. И хотя сам З. Фрейд и его последователи преувеличили роль полового влечения («либидо») в жизни людей,

С. 24

многие выдвинутые им положения, в частности о так называемой сублимации, т.е. о возможности хотя бы частичного удовлетворения либидо косвенным путем, например, через творческую деятельность в области искусства и литературы, заслуживают внимания. Во всяком случае, идея сублимации дает возможность хотя бы отчасти объяснить происхождение тех потребностей, которые называются «эстетическими», не связывая их с таинственной «душой», как это получается у многих наших авторов.

С самого начала истории человеческого общества половой инстинкт регулируется различными социальными установками как рационального, так и иррационального характера, определяющими допустимый возраст половых сношений и брачный возраст, выбор брачного партнера, форму брака, и даже время половых сношений; достаточно сказать о половом воздержании христиан во время постов, а также о том, что традиционные ограничения половых сношений в сельских местностях Индии в недавнем прошлом охватывали свыше 100 дней в году, было принято воздерживаться в дни молений определенным богам и богиням, при новолунии и полнолунии, а также в 11-й день лунного цикла, при подготовке к религиозным праздникам, после рождения ребенка (от 6 до 12 месяцев) и т.д.

Наряду с половым инстинктом в биологической сфере «детопроизводства» имеется и другой, особенно важный в видовом отношении инстинкт, который может быть назван «родительским» инстинктом. Удовлетворение этого инстинкта сильнее затрагивает духовную сферу человека, помогая многим ответить на «роковой» вопрос о смысле жизни, и он не менее сильно, чем половой, регулируется социальными установками. Такие установки носят здесь в целом более направленный характер, что проявляется, например, в традиционном для многих народов осуждении бездетности и восхвалении многодетности; религиозные установки индуизма и ислама особенно приветствуют при этом рождение сыновей.

Немаловажную роль в регулировании родительского инстинкта играют и меры в области так называемой

С. 25

демографической политики, проводимой сейчас во многих странах мира. Поэтому, хотя неудовлетворение этого инстинкта или его косвенное частичное удовлетворение (например, путем заботы о домашних животных), подобно неудовлетворению полового инстинкта, обычно не оказывает пагубного влияния на здоровье, мощная социальная поддержка именно этого инстинкта позволяет отвести угрозу для существования вида, возникающую благодаря биологически нерациональному поведению людей.

Сказанное выше относится главным образом к так называемому естественному воспроизводству людей, однако это лишь начальная стадия их воспроизводства, за которой следует стадия «социализации», или социально-культурного воспроизводства. В этом воспроизводстве на первых порах обычно принимают участие лишь родители младенца или – несколько шире – члены его

семьи, которые учат его разговорному и передают какие-то элементы культуры, которые были до того усвоены ими самими от той социально-культурной общности, в которой они росли, воспитывались и обучались. Когда же дети, подрастая, вступают во все более широкие контакты с окружающими людьми, то социально-культурное влияние на них становится еще более сильным. Эту социально-культурную сторону воспроизводства людей надлежит особо учитывать в случае воспроизводства этносов с их сложными комплексами материальной и духовной культуры.

Очень важной является собственно природно-экологическая сторона жизнеобеспечения, к рассмотрению которой теперь можно перейти. Расселение людей из области их первоначального происхождения, лежавшей, как предполагают, в зоне сухих субтропиков, по всей ойкумене, вплоть до полярных областей, стало возможным благодаря способности человека к адаптации и переадаптации. Некоторую роль при этом играла биологическая (физиологическая) адаптация, что отчасти проявилось в возникновении расовых (антропологических) различий. Так, темная кожа негроидов, живущих в тропической зоне, за счет высокого содержания меланина

С. 26

защищает их от вредного влияния ультрафиолетовых лучей, широкие носовые отверстия, а также пропорции тела, обеспечивающие большую поверхность кожи, способствуют их лучшей терморегуляции и т.д. Но главным механизмом адаптации являлась культура, в первую очередь материальная культура, с помощью которой люди не только приспособивались со временем к той или иной новой природной среде («экологической нише»), но и преобразовывали в большей или меньшей степени саму эту среду, создавая «культурные ландшафты».

Подводя здесь некоторые предварительные итоги изложенному, можно определить *жизнеобеспечение* человека на индивидуальном и групповом (этническом) уровне как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида и группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания и путем развития компонентов культуры, обеспечивающих успешность этой адаптации и всего процесса этнического воспроизводства. Последнее относится как к преобладающим и ведущим рациональным компонентам, так и к некоторым иррациональным, но значимым в данном отношении ее элементам, без чего процесс жизнеобеспечения человека действительно может быть уподоблен процессу обеспечения деятельности очень сложной кибернетической системы, а вся история человечества – направленному (и здесь никак не обойтись без телеологии) «отлаживанию» этой системы.

В упомянутых выше работах культурологического направления вопросы жизнеобеспечения людей излагаются, к сожалению, неполно, да и не вполне точно, что отразилось и в толковании «Культура жизнеобеспечения и этнос...» по этому поводу пишут: «Непосредственный процесс экологической адаптации общества к природной среде происходит путем ее соответствующего социально-

организованного территориального освоения, которое выражается в *поселениях* и образующих их *жилищах*, путем производства необходимых для поддержания жизни людей *пищевых продуктах* и *одежды*.

С. 27

Эти элементы культуры могут быть интегрированы благодаря общему понятию «культура жизнеобеспечения» (КЖ)(21). Перечисленные элементы культуры, обычно включаемые этнографами в понятие «материальная культура», авторы предлагают включить в понятие «материальная сфера культуры», но это, так сказать, лишь детали рассуждения. Главное же состоит в том что «культура жизнеобеспечения» фактически отождествляется ими только с частью материальной культуры и ограничивается ею. «... Исследователя КЖ не должно, – заявляют авторы, – смущать то обстоятельство, что поселения, жилища, одежда пища выполняют определенные функции элементов духовной культуры» (22).

Далее, в разделе «Культура жизнеобеспечения в этнических системах», авторы, касаясь возможных аспектов характеристики «культуры жизнеобеспечения», еще более урезают ее рамки, отмечая, что она больше касается сферы потребления, нежели сферы производства: «Грань между первичным производством материальных благ и завершающими этапами их производства на уровне КЖ следует проводить там, где блага(!?) начинают принимать форму, окончательно направленную на удовлетворение биологических жизненных потребностей. Так, производство муки не входит в КЖ, а выпечка хлеба входит; рубка леса не входит, а заготовка балок для дома входит в КЖ и т.д.». Авторы замечают, что человеческие потребности являются не только физиологическими, но и в огромной мере социально обусловленными. Поэтому, изучая жилище, поселения, одежду и пищу, мы даже порой(?) не столько концентрируем внимание на чисто витальных функциях, сколько на том, как в них отразились художественно-эстетические, престижно-знаковые, этнические и идеологические установки данного общества, входящие в его соционормативную и гуманитарную культуру» (23). Однако такая «пора» для авторов монографии, видимо, еще не пришла, и в дальнейшем они дают обычное описание сельских поселений Армении, сельского жилища армян и «системы питания», дифференцируя их по трем основным природным зонам Армении. Никакого анализа подобной «культуры жизнеобеспечения»,

С. 28

применительно к конкретной природной среде при этом не дается, и насколько полно она удовлетворяет потребности населения – остается по существу неизвестным.

В статье «Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре» С.А. Арутюнов и Ю.И. Мкртумян повторяют основные положения, относящиеся к упомянутой «культуре жизнеобеспечения», в том числе и пример со ссылкой на производство муки, что к «культуре жизнеобеспечения», по их мнению, не относится, и выпечку хлеба, которая к ней относится. При этом, правда, они, видимо отдавая дань моде на

«системные» исследования, заменяют термин «культура жизнеобеспечения» на «жизнеобеспечивающая система» (24), но анализ связей между компонентами «системы» не производится, и все это не делает сами рассуждения более убедительными как в теоретико-методологическом, так и в практическом, или «операционном» отношении.

Несовершенство изложенных рассуждений о «культуре жизнеобеспечения» («жизнеобеспечивающей системе») проявляется в двух основных аспектах. Во-первых, как ясно из предыдущего, обеспечение людей жилищем, пищей и одеждой хотя и представляет собой биологически важную часть жизнеобеспечения, но составляет всего лишь ее часть, не вполне достаточную даже для нормального существования индивида и явно не способную поддерживать жизнь этноса. Во-вторых, их несовершенство – в недостаточной обоснованности предложенного принципа выделения «культуры жизнеобеспечения» только из материальной культуры. Конечно, «культура» – понятие настолько широкое, что допускает самые разнообразные типологические построения, но они не должны быть алогичными. Даже в разделение культуры на ее материальную и духовную сферы есть доля условности, ибо элементы материальной культуры могут отражать и удовлетворять не только физически, но и какие-то духовные потребности, а элементы духовной культуры, например «идеи», могут, как известно, обладать и «материальной силой».

С. 29

Внутри материальной культуры действительно можно выделить пищу, а пищу характеризовать «типологически» и по ее составу, и питательным свойствам, и по способу приготовления, и по особенностям ее сезонного и внутрисемейного употребления и т.п. Но коль скоро речь идет о процессе жизнеобеспечения людей, являющегося, как указывал Ф. Энгельс, важнейшей стороной материального производства, то включить в него только выпечку хлеба и исключить из этого процесса все важные предшествующие стадии получения зерна и муки – значит нарушать элементарную логику. То же самое относится, естественно, и к рассуждению, по которому рубка дерева не относится к жизнеобеспечению, а обрубка сучьев и затесывание ствола является «культурой жизнеобеспечения». В подобной «типологизации» явно поступают те самые элементы иррационального, без удовлетворения которых, очевидно, трудно обойтись, не только в бытовом сознании, но иногда и научном поприще.

В культурологической трактовке «культуры жизнеобеспечения» («жизнеобеспечивающей системы») прослеживается некоторая связь с распространенной среди советских этнографов концепцией «хозяйственно-культурных типов» (ХКТ). Эта концепция, устанавливая связь между природной средой, хозяйством и материальной культурой этносов, по существу, имеет дело с проблематикой материального жизнеобеспечения, хотя разрабатывавшие ее ученые и их последователи сам этот термин до сих пор обычно не используют. Касаясь этой концепции, отмечу, что этнографы давно уже обратили внимание на то, что народы, живущие в сходных природных условиях и стоящие примерно на одном и том же уровне развития, занимаются близкими видами хозяйственной

деятельности, например, обитатели всей зоны степей – на низко уровне развития – охотой на диких животных и собирательством, на более высоком – земледелие и животноводством (скотоводством). В связи с этим у таких народов имеется немало однотипных элементов материальной, а иногда и отдельных элементов духовной культуры.

С. 30

Однако в советской науке осознание факта существенного влияния природной среды на культуру и быт народов (особенно на доклассовой или первобытнообщинной стадии их развития) сильно тормозилось жупелом «географического детерминизма» и только в середине 50-х годов вылилось в концептуальную форму. По определению, предложенному в то время М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым и принятому без особых изменений до сих пор, под ХКТ следует понимать «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития» (25)

Концепция ХКТ и связанная с ней концепция историко-этнографических областей (ИЗО) позволили восстановить в этнографических работах чуть было не утраченную связь этносов со средой их обитания, что способствовало появлению добротных сочинений, характеризующих жизнь различных народов мира и их традиционную культуру, причем не только в конкретно-описательном плане, с особым вниманием к материальной культуре, но и с попытками обобщения и анализа. Однако имеющиеся в концепции ХКТ исследовательские потенциалы оказались то ли невелики изначально, то ли трудны для своего воплощения. Во всяком случае, созданные на основе этой концепции карта Л.А. Фадеева и Я.В. Чеснова «Хозяйственно-культурные типы в XV в.» (26) и даже более подробная карта Б.В. Андрианова «Хозяйственно-культурные типы мира (конец XIX – начало XX в.» (27) в этнокультурном отношении недостаточно информативны.

Так, на первой карте, относящейся к XV в. И характеризующей ситуацию до начала интенсивной европейской колонизации, в один и тот же тип: «охотники и собиратели степей и полупустынь» включены ареалы аборигенов Австралии, бушменов и готтентотов Южной Африки, индейцы южноамериканских пампасов и индейцы североамериканских прерий; хотя хорошо известно, например, что между австралийцами, небольшие бродячие группы которых занимались главным образом собирательством съедобных растений

С. 31

и насекомых с эпизодической охотой на птиц и животных, и индейцами прерий, основу жизнеобеспечения которых составляла охота на бизонов, в хозяйственно-культурном отношении нет почти ничего общего. Отраженное на карте типологическое подобие таких народов может лишь дезориентировать читателя.

Показательно, что и Б.В. Андрианов, немало потрудившийся над применением концепции ХКТ, в одной из основных своих статей по этой тематике пишет: «На всей территории первобытной ойкумены вплоть до периода

неолитической революции (начавшейся 12–10 тыс. лет назад) медленно развивался один ХКТ, или, вернее, группа близкородственных типов: 1) арктические охотники; 2) тундровые и таежные охотники; 3) горные охотники; 4) степные охотники; 5) охотники степей, саванн и лесов; 6) охотники степей и нагорий; 7) охотники и собиратели пустынь; 8) охотники и собиратели тропических и субтропических лесов и влажных саванн (28). Нетрудно заметить, что предложенная «типологизация» не выдержана ни таксономически, ни экологически; малочисленные первобытные коллективы обычно охотились либо в степи, либо в лесу, поэтому выделение, с одной стороны, «степных охотников» и, с другой, – например, «охотников степей, саванн и лесов» (вероятно, субтропических лесов, но о них говорится в пункте «8») не очень логично.

Есть в ней и другие изъяны. Так, В.П. Алексеев, обратив внимание на объединение в одном типе «охоты» столь различных видов хозяйств, как охота на морского зверя в Арктике и охота на крупных животных в центральных районах Африки, резонно задал вопрос об «эвристической ценности» такой типологизации(29). Если же перейти от типологии хозяйства к типологии культуры, то предложенная «типологизация» мало помогает познанию ее дифференциации.

Отсутствие в работах последователей концепции ХКТ не только понятия, но обычно и самого термина «жизнеобеспечение», что видно и по следующей далее статье Б.В. Андрианова, конечно, досадно.

С. 32

Однако простое приложение к описанию таких важных для этой концепции элементов материальной культуры, как жилище, пища и одежда, термина «жизнеобеспечения» по рассмотренному выше примеру культурологов способно не на много продвинуть вперед изучение проблематики жизнеобеспечения. Здесь требуются какие-то дополнительные конкретно-методологические разработки. Видную роль в данном отношении играет выдвинутая В.П. Алексеевым концепция «антропогеоценоза».

В.П. Алексеев, отметив сравнительно слабую «эвристичность» концепции ХКТ, с целью углубления этой концепции развил понятие биогеоценоза, обычно применявшегося к популяциям животных, до приложимого к популяциям людей понятия «антропогеоценоза». Последнее он трактует как «симбиоз между хозяйственным коллективом и освоенной им территорией (или, говоря иначе, коллектив в сочетании с эксплуатируемой им территорией) на ранних этапах человеческой истории». Он считает антропогеоценозы «элементарными ячейками, из которых слагаются хозяйственно-культурные типы», однако сумма соседствующих антропогеоценозов не приводит, по его мнению, к появлению у ХКТ необходимых признаков «системы».

Основными компонентами структуры антропогеоценозов В.П. Алексеев полагает «хозяйственный коллектив», «производственную деятельность» и «эксплуатируемую территорию» и, кратко рассматривая каждый из них, отмечает, в частности: «Что получает коллектив от эксплуатируемой территории? В первую очередь пищу. Состав, изменение состава по сезонам, количество пищи,

характерные именно для данного антропогеоценоза, можно обозначить как пищевую цепь. Очевидно, пищевая цепь есть одна из функциональных связей микросреды и хозяйственного коллектива. Она зависит от численности коллектива, производительности труда, интенсивности хозяйства и географических характеристик среды, а также в отдельных случаях и от состояния других пищевых цепей в границах данного хозяйственно-культурного типа. Вторая линия связи хозяйственного коллектива и среды осуществляется через получение им материалов для

С. 33

построек, одежды, сырья для изготовления орудий труда и оружия. В последнем случае можно говорить и об обменных контактах с другими антропогеоценозами как своего, так и иных хозяйственно-культурных типов, так как природная среда антропогеоценоза не всегда снабжает хозяйственный коллектив всем потребным ему сырьем... Всю совокупность извлекаемого в процессе производства сырья, полезного для человека, можно обозначить как производственно-хозяйственную цепь внутри данного антропогеоценоза» (30).

Кроме «обменных контактов», обусловленных потребностями в сырье, В.П. Алексеев отмечает и контакты, приводящие к передаче трудового опыта от одного коллектива к другому, и пишет: «Будь то самостоятельные технические достижения, будь то заимствованные – все они в совокупности образуют сумму знаний, в какой-то степени неповторимых, отличающих данный хозяйственный коллектив от всех других. Эту сумму знаний можно назвать информационным полем хозяйственного коллектива». Кроме того, В.П. Алексеев выделяет два основных типа антропогеоценозов, относя к первому из них «хозяйство собирателей и охотников», «охотников и рыболовов», а также подсечно-огневое земледелие и кочевое скотоводство, и ко второму типу хозяйства, основанные на «стойловом содержании скота и развитии земледелии», при которых хозяйственные коллективы «изменяют природную среду и определяют ее динамику, а не подчиняются ей», как это наблюдается при первом типе. Обращаясь к динамике этих типов антропогеоценозов во времени, он обуславливает ее тем, что «любой хозяйственный коллектив стремится ко все более полному удовлетворению своих потребностей и, следовательно, заинтересован в интенсификации своей производственной деятельности» (31).

Философ Э.Г. Юдин в статье, следующей за изложенным В.П. Алексеевым понятием антропогеоценоза, отмечает конкретность и «системность» этого понятия и его преимущества перед понятием ХКТ, которое «достаточно для построения общей схемы эволюционного процесса... но оказывается слишком скудным, когда речь заходит об анализе процессов функционирования».

С. 34

Вместе с тем он отмечает некоторые недостатки в рассуждениях В.П. Алексеева. По его мнению, проделанное тем «выделение структурных компонентов, функций и связей несет на себе заметный отпечаток произвольности». Э.Г. Юдин считает, в частности, нешуточным отнесение производственной деятельности в разряд

только структурных компонентов и пишет: «Если... нас интересует динамика антропогеоценоза, то деятельность коллектива лучше, вероятно, рассматривать как функцию, а если мы строим, к примеру, типологию антропогеоценоза, то здесь деятельность окажется, скорее всего, компонентом структуры».

Обращая внимание и на «методологические неудобства анализа внутренних связей антропогеоценоза», Э.Г. Юдин замечает, что «информационное поле, например, едва ли можно непосредственно соотнести с пищевыми цепями». По его мнению, можно интуитивно предположить, что с возрастанием информационного поля должна возрастать и плотность пищевых связей, но такое предположение трудно эмпирически проверить. Понятие «информационное поле» вообще представляется ему очень неопределенным и поэтому неоперационным. «Во-первых, – пишет он, – сами по себе знания вряд ли правомерно толковать как связи в системе: связи создаются не знаниями как таковыми, а их применением. Во-вторых, представляется маловероятным, чтобы при анализе конкретных антропогеоценозов можно было оперировать такой общей категорией, как «знание», за которым фактически скрывается вся сфера духовной деятельности; по-видимому, здесь нужен кто-то иной, более определенный параметр... Наконец, с категорией информационного поля трудно работать при анализе реальных антропосистем, ибо это поле нечем «вспахивать» – т.е. измерять его» (32).

Других обстоятельных попыток подвергнуть критическому анализу понятие антропогеоценоза, насколько мне известно, не было. И, видимо, поэтому В.П. Алексеев, оставив это понятие, по существу, без изменений, в своей новой книге «Становление человечества» расширил и развил его в концепцию, отнюдь не уступающую

С. 35

по своей методологической значимости концепцию ХКТ, а в методически-исследовательском отношении и превосходящую ее. В частности, он пояснил свое понимание «информационного поля», разложив его на три «уровня». «Первый из них – этнический уровень, т.е. тот запас культурных ценностей, традиций, религиозно-магических представлений, которые входят в этническое самосознание и предопределяют включение именно в состав данного народа и никакого другого. Второй уровень, видимо(?), составляют те знания и представления, которые связаны с отношением данного антропогеоценоза с другими антропогеоценозами сходного или, наоборот, противоположного(?) типа, иными словами, все то, что входит в сферу обмена и контактов. Наконец, в качестве третьего уровня можно выделить те конкретные знания, которые накоплены в коллективе и которые составляют его узколокальную специфику: определенные агротехнические навыки и наблюдения, полученные в процессе ведения земледельческого хозяйства на данных почвах, навыки пастьбы животных в условиях именно данного ландшафта и выбора лучших пастбищ, знакомство с охотничьими угодьями и т.д., т.е. по возможности, полное представление о своем микрорайоне»(33). Однако и при таком пояснении понятие «информационное поле» остается недостаточно операционным: вряд ли кто возьмется его измерять и моделировать, тем более что его «уровни» выделены

недостаточно четко; если антропогеоценоз входит, например, в состав какого-то народа (а именно так обычно и бывает), то второй «уровень» почти невозможно отделить от первого и т.п.

Более полно было показано В.П. Алексеевым и значение антропогеоценоза как «самостоятельной единицы в сфере географических адаптаций культуры», что особенно близко к тематике этнической экологии и потому заслуживает внимательного рассмотрения. Прежде всего, В.П. Алексеев подчеркивает сильную зависимость охотничьих коллективов от богатства фауны эксплуатируемой территории. При кризисах в животном мире «наступает кризисная ситуация и в хозяйственном коллективе:

С. 36

он либо вымирает (собирачество может восполнить недостаток пищи лишь в слабой степени и на короткий промежуток времени), либо должен перейти к иной системе хозяйства и жизнеобеспечения, либо, наконец, вынужден покинуть эту экологическую нишу и занять новую» (34). Подсечно-огневое земледелие и его другие примитивные виды также зависят от природных условий, характеристики которых легко, по мнению автора, поддаются, как и в случае охоты, количественному учету и позволяют «... легко вывести в условиях конкретного этнографического изучения оптимальный баланс, потребный для функционирования данного хозяйственного коллектива.... Этот баланс предопределяет минимальный лимит урожая (численность коллектива соотносится... не с максимальными, а с минимальными цифрами необходимых запасов пищи), и через него и демографические характеристики хозяйственного коллектива в пределах данного антропогеоценоза» (35). Далее В.П. Алексеев отмечает «отражение ландшафтно-климатической специфики» в конструкции жилищ, в видах одежды и орудий труда, а также и в сфере духовной жизни: в народном искусстве и в фольклоре, основанном на конкретных образах.

Некоторые из этих положений, по моему мнению, также желательно уточнить или доработать, а иногда просто оговорить. Следует учесть, прежде всего, что антропогеоценоза в отличие от биоценоза представляет собой не замкнутую, а довольно открытую систему, которая, как неоднократно отмечал и сам В.П. Алексеев, обычно существует лишь в контакте с системами других антропогеоценозов. Но он об этом обстоятельстве затем почему-то «забывает», а именно оно сильно затрудняет составление каких-то балансов и шире – моделирования, основанного только на внутренних характеристиках. В учете же внешних факторов появляется много произвольного. Это касается даже баланса по «пищевым цепям», не говоря уже о множестве других «цепей», которые необходимо учитывать в этнической экологии. Не вполне понятно далее, как на основе такого «баланса» можно исчислить демографические характеристики,

С. 37

ибо один и тот же количественный рост может получиться, например, как при сочетании высокой рождаемости с высокой смертностью, так и при низкой рождаемости с низкой смертностью. Кроме того, антропогеоценоз, опять-таки в

отличие от биогеоценоза, характеризуется не только количественным ростом, но и «качественным» развитием, а движущие силы этого развития в концепции антропогеоценоза даны довольно туманно. Вначале В.П. Алексеев объясняет такое развитие тем, что хозяйственный коллектив сам собой стремится ко все более полному удовлетворению своих потребностей, но не называет никаких иных потребностей, кроме пищи и других элементов физического жизнеобеспечения, кстати сказать, мало отличающих людей от других видов млекопитающих. Затем он предлагает сбалансировать систему антропогеоценоза не по максимальному или «полному» удовлетворению потребностей, а уже по «минимальному лимиту», что применительно к реальной жизни может означать постоянно-повседневный режим строгой экономии, который был неизвестен, кажется, ни одному из наблюдаемых этнографами народов и который скорее тормозит развитие, нежели способствует ему.

Идея о самоограничении племенными общностями своих потребностей очень близка, кстати сказать, к развиваемой демографом А.Г. Вишневским концепции «демографического гомеостаза», согласно которой первобытные люди были своего рода стихийными мальтузианцами и, чтобы сбалансировать свои потребности с природными условиями, прибегали к абортам, детоубийствам, убийству стариков и т.п. (36). В действительности же люди на ранних стадиях своего развития не очень стремились к самоограничению, и даже при сократившемся числе промысловых животных, например, охота обычно нацеливалась не на минимум, а на максимум добычи. За удачной охотой следовало пиршество, а затем вновь полуголодное или голодное существование с надеждами на новую удачу. Возникавшие же время от времени экологические кризисы в случае невозможности разрешить их путем

С. 38

миграций являлись важным стимулом развития: побуждали совершенствовать орудия труда, способы охоты и т.д.

Довести понятие антропогеоценоза до полной, но, тем не менее, его вполне можно употребить в этнической экологии. В.П. Алексеев полагает, что его могут использовать и этнографы, но без экологизации традиционной этнографии надеяться на это не приходится; он же сам заметил, что при этнографической характеристике питания, например, «в плане оценки ее (пищи. – В.К.) места в культуре данного общества или данного народа, то основное, что в ней выделяется, это не набор продуктов, более или менее общий как у земледельческих, так и у скотоводческих народов, а способы их приготовления»(37). То же самое В.П. Алексеев отмечает по отношению к характеристике жилища, когда основное внимание обращается на форму жилища, специфику интерьера (в частности, расположение очага) и т.д.

Но дело даже не столько в этом, сколько в том факте, что и способы приготовления пищи интересуют этнографов-культурологов преимущественно в типологическом плане, а не в плане жизнеобеспечения. Очень трудно найти этнографическую работу, автор которой, характеризуя различные способы традиционного приготовления пищи, обратил бы внимание, например на

калорийность пищи и на изменение ее основных потребительских характеристик в результате того или иного приготовления. Нередко отвергается даже возможность такого подхода; заявляется, что «этнографов пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности(!?), а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношение людей в обществе и нормы их поведения(?), формы поведения, традиционные для данного общества»(38). Составить по таким работам хоть какое-то представление о проблемах пищевого обеспечения тех или иных народов мира, конечно, столь же трудно, как, скажем, по поваренной книге. И видимо, поэтому ценная концепция антропогеоценоза,

С. 39

нацеленная, в частности, на учет баланса в пищевых и других «цепях» жизнеобеспечения, не привлекла до сих пор пристального внимания традиционных этнографов; использовать ее надлежащим образом могут только этноэкологи.

Критический анализ изложенных выше культурологических и этнографо-антропологических подходов проводился мной с позиции этнической экологии, содержание которой рассмотрено во введении к данной книге. Поэтому к сказанному можно добавить немного, главным образом в виде заключительных выводов. Первый из них состоит в том, что трудная задача изучения сложной системы жизнеобеспечения этносов в настоящее время обычно упрощается и нередко ограничивается вопросами физического (материального) обеспечения. При этом культурологи видят свою основную задачу в типологическом описании некоторых важных сторон материальной культуры с точки зрения их структурных связей с физическим обеспечением, например способов приготовления пищи, не обращая существенного внимания на конечные, т.е. жизненные результаты таких действий.

Собственно этнографы (и этноантропологи) обычно также не идут далее общей типологической систематики хозяйства и материальной культуры в рамках концепции ХКТ. Предложенная В.П. Алексеевым концепция антропогеоценоза, позволяющая в некоторых случаях применить системный подход, еще не опробована практически и нуждается, как уже отмечалось выше, в некоторой доработке, чтобы приблизить ее к понятию экосистемы, под которой поднимается группа людей, связанных этнокультурными традициями и способами удовлетворения жизненных потребностей в определенных природных (и природно-социальных) условиях существования относительно автономно от других групп людей. Правда, и в этом случае применение понятия «антропогеоценоз» не упрощает, а усложняет исследование, но зато может дать ценные результаты. До настоящего времени известны попытки более или менее детального анализа лишь одной, хотя и не очень важной, части экосистемы в виде «пищевой цепи» (39). Что же касается духовного жизнеобеспечения, но эта

С. 40

проблематика как таковая в этнографической литературе по существу никак еще не разрабатывалась, огромные материалы по духовной культуре, большей частью описательного характера, ждут направленного анализа.

Проблемы, связанные с естественным воспроизводством этносов, основательно разработаны главным образом в рамках этнической демографии и нуждаются лишь в несколько большем внимании к влиянию экологизации, в частности к учету влияния на воспроизводство экологических кризисов. Довольно основательно разработана и проблематика социально-культурного воспроизводства этносов, главным образом в рамках исследования этнических процессов, хотя некоторые разделы, в первую очередь те, которые связаны с этнической психологией (например, о «ценности» этнической принадлежности), еще ждут своих исследователей. Здесь требуется и гораздо большая экологизация исследований, особенно в отношении анализа связи этнического (национального) самосознания со спецификой материальной и духовной культуры, с представлением о «родной земле», с привычными ландшафтами и т.д., что на примере этнических групп мигрантов рассматривается далее в статье Н.М. Лебедевой.

Дальнейшие исследования жизнеобеспечения этносов могут, как мне представляется, развиваться по двум основным путям. Первый из них направлен на продолжение исследований «пищевых цепей» и предполагает включение других «цепей» материального обеспечения с возможно более подробными и количественными характеристиками. Однако доведение количественных характеристиками расчетов до бухгалтерского «баланса» не представляется возможным из-за того, что этнологические системы жизнеобеспечения являются обычно более или менее открытыми, а также из-за больших трудностей измерения внешних, далеко не всегда устойчивых «приходов» и «расходов». Другой путь направлен на возможно больший охват всех слагающих систему жизнеобеспечения, включая и ее духовную сферу, с возможной количественной

С. 41

характеристикой отдельных элементов, но с обязательным анализом их конечных результатов.

Проблема выбора критериев для оценки конечных результатов жизнеобеспечения этнических групп или успешности адаптации популяций к среде обитания не подверглась до сих пор специальному рассмотрению. Сделанный мной по этому вопросу доклад на конференции по исторической экологии (Нальчик, 1987) ставил целью наметить основные варианты разработки таких критериев (40). В биологии главным критерием степени адаптации, или жизнеобеспечения, считается режим воспроизводства – возрастание численности особей в той или иной популяции. Для этнической групп и вообще для популяций людей показатель воспроизводства явно недостаточен. Тот факт, что естественный прирост населения в развивающихся странах, еще не означает, что система жизнеобеспечения в первых значительно лучше. Поэтому для отбора таких критериев требуется специальный анализ, отчасти проводимый далее в статье О.Д. Комаровой. Представляется целесообразным включить в число

показателей успешной адаптации такие показатели, как заболеваемость и смертность (с выделением прежде всего эндогенных и экзогенных причин), психическое здоровье, а также долгожительство (показатель, уже опробованный в комплексном исследовании явлений долгожительства) (41). Примерная схема подобных исследований в настоящее время уточняется в ходе исследования русских сельских старожилов в республиках Закавказья (42).

Литература

1. Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования. (На материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1984; см. также: А р у т ю н о в С. А., М к р т у м я н Ю. И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
2. См.: К о з л о в В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. Этнография. 1983. №1.

С. 42

3. Краткий обзор основных направлений ее см.: О г л о в В. С. Ecological anthropology // Ann. Rev. of Anthropol., 1980. Vol. 9; см. также: К о з л о в В. И., Я м с к о в А. Н. Этническая экология // Этнология в США и Канадею М., 1989.
4. И.И. Крупник в рецензии на монографию «Культура жизнеобеспечения и этнос...» (Сов. этнография. 1985. №1) отнес к творческим удачам автора само применение термина «культура жизнеобеспечения», не вдаваясь, правда, в сущность его толкования.
5. См.: Общая психология: Учебн. пособие для пединститутов. М., 1970. С.12.
6. О б у х о в с к и й К. Психология влечения человека. М., 1977. С.81.
7. П л а т о н о в К.К. Краткий словарь психологических понятий. М., 1989. С.102.
8. Д а р с к и й Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М. 1979. С.89-92.
9. А р у т ю н о в С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вест. АН СССР. 1979. №12. С.95.
10. См.: А л е к с е е в а Т.И. Географическая среда и биология человека. М., 1971; Она же. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.
11. М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.18-19.
12. Там же. Т. 21. С.25-26.
13. Там же. Т. 6. С.441.
14. Там же. Т. 12. С.710.
15. А л е к с е е в В. П. Становление человечества. М., 1984. С.241, 453-455.
16. П о р ш н е в Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С.110.

17. А р у т ю н о в С.А. Указ. соч. С.95.
18. Подробнее см.: К о з л о в В.И. Этническая демография. М., 1971. С.82-91.
19. Подробнее по этим и другим рассматриваемым ниже вопросам детопроизводства см.: К о з л о в В.И. Этническая демография. М., 1977.
20. См., например: Р ю р и к о в Ю.Б. Три влечения. М., 1967.
21. Культура жизнеобеспечения и этнос... С.36.

С. 43

22. Культура жизнеобеспечения и этнос... С.37.
23. Культура жизнеобеспечения и этнос... С.57-58.
24. А р у т ю н о в С. А., М к р т у м я н Ю.И. Указ. соч. С.20.
25. Л е в и н М.Г., Ч е б о к с а р о в Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // Сов. этнография. 1955. №5.
26. Карта дана в кн.: Ч е б о к с а р о в Н.Н., Ч е б о к с а р о в а И.А. Народы. Расы. Культуры. 1-е изд. М., 1971; 2-е изд. 1985. С.182-183.
27. См.: А н д р и а н о в Б.В. Неоседлое население мира. М., 1985.
28. А н д р и а н о в Б.В. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа. М., 1981. С.256.
29. А л е к с е е в В.П. Становление человечества. С.353.
30. А л е к с е е в В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. №7.
31. Там же.
32. Ю д и н Э. Г. Системные идеи в этнографии // Природа. 1975. №7.
33. А л е к с е е в В. П. Становление человечества... С.370-371.
34. Там же. С.374.
35. Там же. С.375.
36. См.: В и ш н е в с к и й А. Г. Демографическая революция. М., 1976. С.24-29; О н ж е . Воспроизводство населения и общество. М., 1982. С.52-58.
37. А л е к с е е в В. П. Становление человечества. С.368.
38. Этнография питания народов зарубежной Азии. М., 1982. С.3.
39. К р у п н и к И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.
40. См.: Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». М., 1987. С.177.
41. См.: Феномен долгожительства: Антрополого-этнографический аспект исследования. М., 1982; Абхазское долгожительство. М., 1987; Долгожительство в Азербайджане. М., 1989.
42. Д у б о в а Н. А., Л е б е д е в а Н. М. и др. Адаптация русских старожилов В Азербайджане (середина XIX-начало XX в.) // Сов. этнография. 1989. №5.